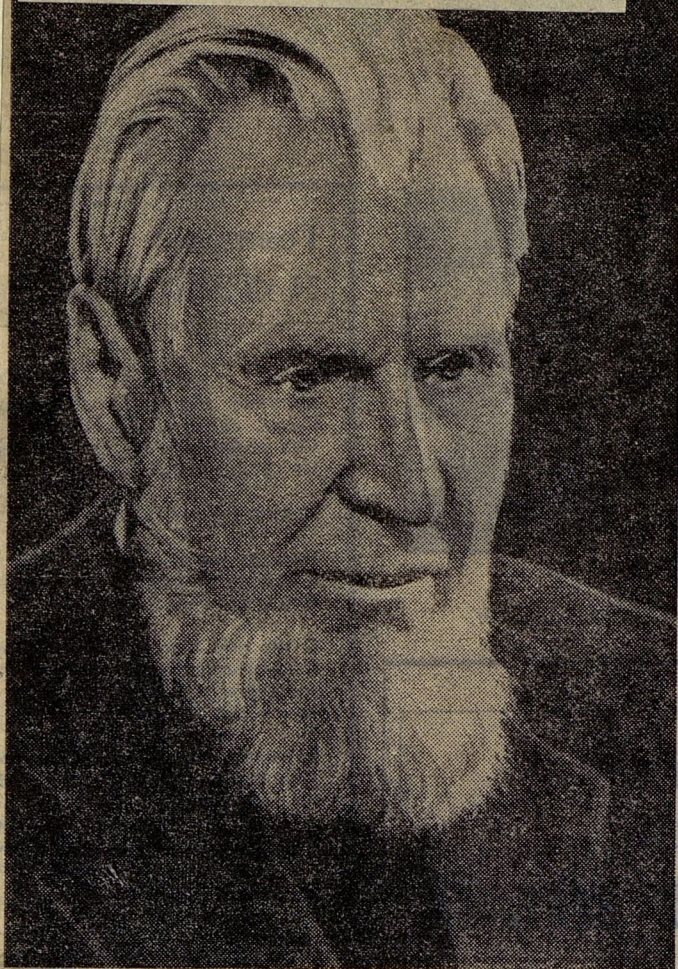

К 80-летию Николая КОЧИНА

ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ

Дело в том, что Н. Кочин — убежденный и, я бы сказал, принципиальный реалист, исповедующий ту точку зрения, что литература должна идти только от жизни, от собственного пережитого опыта. На этот счет он высказывается весьма определенно: «Никогда ни одна книга для писателя не заменит личного опыта, так же как откровенность есть такой источник поэзии, которого не заменить ни одним вымыслом. Правда жизни добывается в горниле самой жизни». Но, конечно же, то, что якобы сам Н. Кочин ничего не выдумывает в своих романах о Пахаре, на мой взгляд, миф. Многие здесь, очевидно, придумано, доведено до абсурда, хотя основная канва, верно, имеет реальное, «прототипное» происхождение. Не мог же в самом деле юный Сеня дословно запомнить, даже при всей своей феноменальной памяти, все те споры и диспуты, нередко на весьма сложные политические темы, свидетелем, а то и участником которых он был и о которых вспоминает теперь, пятьдесят лет спустя. На всех этих яростных идеологических баталиях, за которыми стояли реальные интересы противоборствующих классов, лежит явный отпечаток позднейшего опыта писателя. Да и не верю я в то, что настоя-

крестьян лучшие земли, как по приказу волостного старшины публично секли мужиков за недоимку (в том числе и Сенькиного отца), как ссылали их на каторгу в 1905 году, о всех этих нищих, попрошайках, о деревенской темноте и диких суевериях, но и о выпадавших порой редких детских радостях — натанцах с ледяной горки, испеченных на праздник «хлебных жаворонках», невинных шалостях и играх со сверстниками, хотя времени на это почти не оставалось: надо было помогать взрослым на носыбе и уборке, пасти скотину, ухаживать за многочисленными малолетними сестренками и братишками, которые рождались каждый год и каждый год умирали от скарлатины, тонули в надке, разбивали головы, падали с лавки... И все это запечатлено пером талантливым, живописным, неравнодушным к людскому горю.

А какие цельные колоритные натуры окружают юного Сеньку. Вот, скажем, швец Прохорыч — это же целый клад народных знаний об окружающем крестьянине мире: на каждый предмет в хате или во дворе у него есть загадка, и как увлекательно эта бесконечная игра в «угадайку», как полезна для ребенка, чей жизненный опыт ограничен околедицей родного села. А все эти зимние посиделки, страшные сказки бабушки Катерины, байки заочных странников — сколько в них поэзии!

Да, творчество Н. Кочина отличается детальное знание народной жизни и острая социальность. Даже роман «Гремячая Поляна» — о детстве и отроче-

дядя по матери Янов Ошнуров, отбывший двенадцать лет на царской каторге за участие в событиях 1905 года, и учительница — мордовка Парасковья Михайловна, — рассказывает Николай Иванович. — Первый научил меня разбираться в революционной науке, в классовой борьбе, вторая — уговорила отца отдать меня в ученье, купила мне школьную форму и сама отвезла в село, где находилось Высшее начальное училище.

Высшее начальное... Крестьянину-лапотнику на пути к знаниям пришлось пройти и этот «университет» с его тяжелой муштрой и издевательствами сынов богатея. И учиться Сенька должен был только на пятерки — иначе лишился стипендии (одной на класс), а с нею возможности продолжать образование.

Н. Кочин — мастер психологического портрета. Персонажи его произведений — живые, зримые люди, обладающие тем достоинством, что они как-то легко и незаметно вовлекают нас в круг своих трудов и забот и уже не отпускают до той поры, пока не прочитана вся книга. В цикле произведений о Пахаре, удостоенных Государственной премии РСФСР имени М. Горького, в знаменитых в 30-е годы романах «Девки» и «Парни» писатель создал немало образов героев, вызывающих

«МЫ ДЕЛАЛИ ЧЕРНОВУЮ РАБОТУ ИСТОРИИ»

КОГДА читаешь новый роман Николая Кочина «Семен Пахаре», смысл этих слов: «Мы делали черновую работу истории», сказанных писателем в предисловии к другой своей книге — «Юность», понимаешь как-то особенно отчетливо. Действительно, людям, пережившим звездные часы революции, бывшим свидетелями первых шагов Советской власти, участниками невиданных в истории событий, многое приходилось делать без соответствующей подготовки и опыта, руководствуясь лишь классовым чутьем и интуицией. Потому не все получалось, как надо, «набело». И все те «черновики» начала новой эпохи легли в основу достижений сегодняшнего дня.

Но в ту пору, в 1924 году, когда Семен Пахаре, только что окончивший вуз, приехал в уездный городишко на Оке заводить школу, контуры будущего едва угадывались. Однако начинать строить его надо было именно тогда. И начинать с просвещения, с ликвидации чудовищной неграмотности. Вот только как построить новую систему образования — никто не знал.

Когда Пахаре прибыв в школу, он застал здесь такую картину:

«Ученики, когда хотели, тогда и приходили на занятия или уходили с урока... Учителя проверяли только тех учеников, которые были на это согласны... В школе установилась привычка: все, что не нравится ученикам, третируют как старорежимную рутину, «пережиток», «мещанство», «бывательщину», «мелкобуржуазную отрыжку» и т. д. Много было пущено в ход и бывало новомодных слов для дискредитации тех, кто пробовал взывать к дисциплине, нормальному усвоению знаний и хорошему поведению».

Казалось бы, абсурд, нелепость. Однако под все это была подведена целая теоретическая база — «метод проектов», американский Дальтон-план, бригадно-лабораторный метод (когда один ученик отчитывался в знаниях за весь класс — «бригаду») и другие новации, призванные совершить переворот в системе образования масс. Выдвигалась и еще более «революционная» теория — «отмирание школы». И пришлось Пахаре вступить в жестокую схватку с показухой и очковитательством, с «реформаторами», торжество «методов» которых в широком масштабе грозило привести к тому, что страна имела бы тысячи выпускников с фальшивыми аттестатами и в конечном итоге «липовых» специалистов...

«Семен Пахаре» — так называется роман. По фамилии главного

героя. Однако читатель, следящий за творчеством старшего нашего писателя, уже давно знаком с этой фамилией — по романам «Юность», «Нижегородский откос», «Гремячая Поляна». Я же имел счастливую возможность познакомиться и с самим героем. Когда немногим более десяти лет назад я приехал в Горький и встретился с Николаем Ивановичем Кочиным, он, ничуть не лукавя и не прибегая к разного рода оговоркам, прямо сказал: «Семен Пахаре — это я... И фамилия Пахаре — моя, правда вторая — в старом селе это бывало...»

Меня, признаюсь, несколько удивило такое отождествление автора со своим героем. Обычно писатели всячески отрываются от автобиографизма своих произведений, ссылаются на собирательность образов и т. п. Николай Иванович водил меня по городу, как по страницам своих книг: вот здесь, во Вдовьем доме, Сенька Пахаре жил во время учебы в пединституте, тут служил мальчиком на побегушках у миллионера Обжорина, там у Нижегородского откоса прогуливался со своими скурниками, спорил, а то и вступал в потасовки с отпрысками аристократических фамилий. Называл Николай Иванович и прототипы своих героев...

Вместе с тем книги Н. Кочина о Семене Пахаре, когда я их читал, не производили впечатления автобиографических записок. Это были, так сказать, натуральные романы с массой упоминающихся характеров, колоритных фигур, людей, которые жили не только в сфере жизнедеятельности и опыта Пахаре, а и своими думами, мыслями, мечтами, о которых сам Пахаре в силу описываемых обстоятельств не мог и знать. Так что о подлинности, документальности тех или иных событий, о которых рассказывает главный герой, можно и поспорить. Тем не менее книги Н. Кочина предельно достоверны, характеры убедительны, ситуации правдивы. Ясная, на первый взгляд, проблема оказывается достаточно сложной.

Дело в том, что Н. Кочин — убежденный и, я бы сказал, принципиальный реалист, исповедующий ту точку зрения, что литература должна идти только от жизни, от собственного пережитого опыта. На этот счет он высказывается весьма определенно: «Никогда ни одна книга для писателя не заменит личного опыта, так же как откровенность есть такой источник поэзии, которого не заменить ни одним вымыслом. Правда жизни добывается в горниле самой жизни». Но, конечно же, то, что якобы сам Н. Кочин ничего не выдумывает в своих романах о Пахаре, на мой взгляд, миф. Многие здесь, очевидно, придумано, доведено до абсурда, хотя основная канва, верно, имеет реальное, «прототипное» происхождение. Не мог же в самом деле юный Сеня дословно запомнить, даже при всей своей феноменальной памяти, все те споры и диспуты, нередко на весьма сложные политические темы, свидетелем, а то и участником которых он был и о которых вспоминает теперь, пятьдесят лет спустя. На всех этих яростных идеологических баталиях, за которыми стояли реальные интересы противоборствующих классов, лежит явный отпечаток позднейшего опыта писателя. Да и не верю я в то, что настоя-

щий писатель (а Николай Иванович из этого разряда) может в своем творчестве довольствоваться простым копированием жизни. Механизм работы памяти и воображения художника, по-видимому, настолько сложен, что не совсем ясен и для самого творца. Но это уже задача специалиста по психологии творчества...

У читателя может сложиться впечатление, что Н. Кочин — представитель традиционной бытописательской литературы. Да, Николай Иванович не скрывает своего пристрастия к бытовой, житейской стороне человеческого существования, по его романам действительно можно изучать обычаи и нравы дореволюционной поволжской деревни, то, с трудом изживаемым духом староверчества, Заволжье, что так красочно описано в любимых им книгах Мельникова-Печерского. Но, как ни странно, романы самого Н. Кочина при всей их реалистичности не укладываются в традицию жанра. Они композиционно и стилистически разнообразны, у них своя архитектурная, здесь есть и сочные характеристические главы, и публицистические отступления, и странички очерковые, нравоописательные и документальные. Когда я с удивлением заметил Николаю Ивановичу, что в его романе «Нижегородский откос», повествующем о годах студенчества Семени Пахаре, некоторые фамилии преподавателей снабжены инициалами (как в документальной книге), писатель среагировал мгновенно: «Ну и что? В романе все возможно!» Вот вам и бытописатель-традиционалист!

Удивлялся и радуюсь стилистическому и жанровому разнообразию современной советской литературы, ее возросшей философичности, многозначности характеров, я не могу без волнения читать и ночные пространно-описательные странички о детстве и юности Сеньки Пахаре. С захватывающим интересом и глубоким сочувствием проглатывается рассказ о том, как бедствовали Сенька и его родные в глухом селе Гремячая Поляна, как их притесняли помещики и новые разбогатевшие хозяева, отходившие на отруб и отнимавшие у

Сеньки полон социальных контрастов и драматических коллизий, имеющих одну исходную точку — классовое расслоение дореволюционной деревни. С ранних лет Сенька познал разницу не только между помещиками и крестьянами, кулаками и бедняками, а и между лошадиными и безлошадными, ибо это уже были разные кланы на селе.

«Чувство социальных перегородок в крестьянстве так же развито, как в высшем обществе, но слабее, не сильнее. Человеческий, имеющий лошадей, кичился перед безлошадником, как столар перед плотником. Крестьянин, имеющий, кроме лошади, и корову, снисходительно относился к тому, кто коровы не имел. Каждая вещь в избе мужика соседям известна, каждая лишняя обновка в сундуке у бабы повышает ее достоинство. Недаром же Сенькина мать отдала дочь за нелюбимого парня, предпочтя любимому только потому, что у нелюбимого было во дворе вместо одной две коровы».

Такова была суровая реальность, не оставлявшая места для поэтических восторгов и воспитания чувств. Вспомним, как маленький Сенька начинал обучаться грамоте по окружающим быт крестьянина предметам: О — колесо, П — воротца, А — шалашик, Г — топорик и т. д. «Вот как просто! А еще говорят — наука трудна!»

При ближайшем рассмотрении наука оказалась не столь легкой, в чем Семен Пахаре убедился, поступив в пединститут, — об этом рассказывается в романе «Нижегородский откос». Но до того Сеньке пришлось пройти труднейшие жизненные университеты. Духовный вакуум, обнаружившийся в деревне сразу после Октября, требовал немедленного заполнения.

«Я не знаю, — пишет Н. Кочин в предисловии к роману «Юность», — чтобы слово «культура» когда-нибудь прозвучало с таким энтузиазмом. Мы играли спектакли зимой на площади. И вся деревня стояла и плакала... Мы ходили по избам тифозных, «внедряли гигиену», раздавали белье, конфискованное у богатей. Читали ленции, стихи, играли, пели... Раздавали бедным хлеб, детям — игрушки, полученные из городов, картинки, книжки... Два человека сыграли решающую роль в моей судьбе —

глубокий интерес и сочувствие к их судьбам, часто непростым и нелегким. Это Паруня и Марья, взбунтовавшиеся против извечной каторжной бабьей доли, Иван Переходников, мучительно изживающий в себе частнобывшие инстинкты, устремленные к новой жизни мудрый Анны, стойкий Федор Лобанов, мужественный Мозгун...

В новом романе Н. Кочина, пожалуй, наиболее полно раскрылся сатирический дар писателя. По-видимому, это связано с тем, что в этой книге Н. Кочина, как ни в какой другой, дана целая галерея отрицательных героев. Это, во-первых, разного рода «бывшие» — попусту болтающийся на собраниях заведующий УОНО Арион Борисов, графиня в прошлом, а ныне выслушивающаяся из всех сил преподавательница иностранных языков Шереметьева, замаскировавшийся под учителя труда белый офицер Габричевский, «светская львица» Людмила Львовна и весь ее так называемый «салон». Во-вторых, это те люди, которые сознательно или по неразумению развивают учебный процесс в школе и с которыми Пахаре ведет яростную борьбу.

Беспокоен писатель там, где он подвергает осмеянию всякого рода модные, но не безвредные новшества в системе просвещения, в частности «науку» педологию. Смех автора становится убийственным, и мы узнаем школу Гоголя и Щедрина.

...Когда я гостил у Николая Ивановича в 1970 году, ему было 68 лет. Позднее, встречаясь с ним в Москве, я всегда удивлялся его бодрости, молодости духа, неизменно оптимизму. Ныне этому талантливому русскому прозаику — 80. Вспоминаю прогулки по Нижегородскому кремлю, крутому откосу, откуда к Волге сбегает широкая каменная лестница...

— Вот для вас 17-й или 30-й год — глубокая история, — слышится молодой голос Николая Ивановича. — А мне кажется, что это было вчера. Я весь в тех годах, когда мы делали черновую работу истории...

И еще где-то застряло в уголках памяти: «Пахаре — это я сам...»

Павел УЛЬЯШОВ